

УДК 1

Дискурсивный приговор: тотальность ускользания человека

Пырьянова Ольга Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: pyryanova@mail.ru

Замощанский Иван Игоревич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Конашкова Алена Михайловна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается сущность понятия дискурса и технологии его использования. Индивид, конституировав свою идентичность, желает автономизации субъективности, пытается выйти за пределы дискурсивности, стать тем, кто определяет и управляет дискурсом. В данном случае он обречен на поражение, поскольку только в дискурсе и может сформироваться его инаковость. Фактически Власть через Дискурс выносит приговор каждому – быть определенным в понятиях и практиках. Так создается тело Дискурса. Человек оказывается вовлеченным в дискурсивные практики, порой не осознавая данного факта, поскольку дискурс по своей природе множится в квазидискурсах и постоянно маскируется, создавая различные приманки и симулякры. Индивид попадает в ловушку собственного деиндивидуализированного Властью желания. Практика сопротивления и ускользания осуществима, когда субъект отказывается подчиняться требованиям Власти, создавая собственные дискурсивные поля.

Для цитирования в научных исследованиях

Пырьянова О.А., Замощанский И.И., Конашкова А.М. Дискурсивный приговор: тотальность ускользания человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 6А. С. 171-179.

Ключевые слова

Дискурс, желание, запрет, Власть, М. Фуко.

Введение

Экспликации работ М. Фуко неизбежно связывают его имя с понятием дискурса как некоторого радикального средства понимания реальности. Дискурс есть искушение исследователя. Любому исследователю, по мнению М. Фуко, стремится ускользнуть от дискурсивного предопределения, используя власть дискурса для управления реальностью, но не собой [Фуко, 1996, 50-51].

Дискурс легитимирован, размещен в порядке законов, он якобы лоялен, расположен в угоду иным телесным, социальным, духовным практикам, что вызывает изначальное недоверие желания субъекта дискурса. М. Фуко находит это недоверие обоснованным, считая, что любое общество создает контролируемый дискурс, который можно организовать и перераспределить с помощью определенных технологий, цель которых заключается в нейтрализации его властных полномочий и связанных с ним опасностей – непредсказуемости его события и угрожающей материальности [Фуко, 1996, 51].

Дискурс – очевидно, двойственная практика: с одной стороны, духовная, с другой стороны, дискурс обладает телесностью. Дискурс представлен вслушивающемуся, внимающему, говорящему как телесная субстанция. Существует тело дискурса, то, как он влияет на телесность. Но, парадоксально, речь не отождествляется с материалом речи – существует строго человеческая двойственность, касающаяся социально определенных речевых практик, одной из которых является дискурс, – они воспринимаются вне их материи, а материя этих практик не воспринимается как дискурс. Материальность дискурса определяет одну из его значимых характеристик – простроенность. Дискурс управляет человеком, конструирует сознание благодаря своей специфической, исторически предзаданной простроенности. Специфика такого тела дискурса задает параметры управления. Само же управление изначальное и свойственно дискурсу по сути.

Для М. Фуко дискурс – прежде всего, социально легитимированная практика. Но эта легитимация всегда принимает форму запрета через процедуры исключения. Самой очевидной и самой привычной из них является запрет. Каждый знает, что говорить можно далеко не все, не обо всем, не всякому и не при всех обстоятельствах. «Табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта – здесь мы имеем дело с действием трех типов запретов, которые пересекаются, усиливают друг друга или компенсируют, образуя сложную решетку, которая непрерывно изменяется» [Фуко, 1996, 52]. Лишь в зеркале запрета дискурс обретает свою истину и бытие. Запрет обнажает сущность дискурса: «Дискурс ведь – что и показал нам психоанализ – это не просто то, что проявляет (или прячет) желание, он также и то, что является объектом желания; и точно также дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего они сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [Фуко, 1996, 52].

М. Фуко говорит о соблазняющей силе дискурса. Дискурс – объект власти и желания и, как таковой, дискурс субъективен, обращен к человеку. Но для Власти высший соблазн – в отрицании субъективности дискурса, поскольку если Власть позволит состояться такой субъективности, она немедленно будет распрямлена, дезавуирована, трагически снижена.

Власть во все времена стремится завладеть Дискурсом, чтобы его объективировать, обезличить, превратить человека в безличную фигуру, сродни изображенной Р. Маргиттом, в массу, класс, пролетариат, чернь, больных, безумных, от лица нашего времени можно добавить – в менеджеров среднего звена (звучит-то как по-пионерски!). Обезличить, чтобы управлять – вот направленность легитимации дискурса от лица Власти.

Анализируя изменения судебной системы, М. Фуко пишет именно о таком обезличивании дискурса, опираясь на историческую реальность, когда указывает на нивелирование общественного договора и создание специальных учреждений, которые вмешиваются по собственному произволу в жизнь людей, но контролируемых властью [Фуко О народном правосудии, 2002, 22-23]. Так, постепенно, личное соглашение замещается обезличенным контролем Власти над правовым Дискурсом, контролем, приносящим общественную пользу и впоследствии капитализированным в форме налога.

Дискурс есть объект Власти не только в силу его соблазняющей потенции, способности к субъективации, но в силу его теоретичности. Власть использует практики управления, сливаясь с ними, Дискурс «работает» по-другому, об этом читаем в полемике Ж. Делеза с М. Фуко: «теория – это нечто вроде ящика с инструментами. Она не имеет ничего общего с означаемым... Надо, чтобы она служила, чтобы она работала. И причем не ради себя. А если нет людей, чтобы ею воспользоваться, начиная с самого теоретика, который в таком случае перестает быть теоретиком, то это означает, что теория ничего не стоит или же ее пора еще не пришла. Теорию не меняют, а делают из нее другие теории, и с ее помощью получают другие, те, что хотят сделать. Теория – не то, что тотализует, а то, что множится, и то, что множит» [Фуко Интеллектуалы и власть, 1996, 68-69]. Внося означаемое в теорию, индивидуум субъективирует себя в Дискурсе. Теория лишена предзаданности, чтобы сделать ее объектом управления, необходимо ограничить ее с помощью практик и техник Власти, подчинить Дискурс негибкой текстуре Власти, или, выражаясь языком Р. Барта, мифологизировать. Миф так плотно приживается в коллективном бессознательном, что становится неотъемлемой частью дискурса, Дискурса, уже обезглавленного, лишённого потенции творить Субъективность. Нет «Евгения Онегина» есть энциклопедия русской жизни, нет Пушкина, есть некое «наше все», нет Герцена, есть сон Герцена, от которого его разбудили декабристы. Миф есть средство Власти, с помощью которого она внедряет объективированный дискурс в структуры коллективного бессознательного. Но одного этого средства для управляющего контроля над человеком недостаточно. Пространство дискурса должно быть построено особым образом, так, чтобы поглотить субъекта, присвоить его субъективность.

Психоаналитический дискурс

Рассмотрение Дискурса не как социального явления, вне исторически предзаданных структур социальности, действительно проблематизирует фигуру З. Фрейда. З. Фрейд создал новую клинику – клинику психоанализа. Отказавшись от анатомо-физиологической трактовки механизмов и этиологии болезни, Фрейд предлагает свою особую концепцию возникновения неврозов. Она и становится основанием методов психоанализа. Фрейд исходит из того, что в основе истерии лежит неосознаваемое больным, перенесенное чаще всего в период раннего детства глубокое нервное потрясение, которое когда-то в прошлом было подавлено в целях выживания ребенка и вытеснено в сферу бессознательного. Истерический симптом возникает как следствие подавления того или иного напряженного эмоционального состояния, символически замещающего нереализованное действие в поведении невротика.

Задача врача – помочь больному вспомнить это забытое переживание, перевести его из глубин неосознаваемого в сферу сознания и тем самым освободить пациента от мучающих его страданий. Вместо гипноза, который использовали Шарко и Брейер, Фрейд предложил иной способ лечения неврозов – метод свободных ассоциаций. Он требовал, чтобы пациенты беспрепятственно произносили слова, свободно высказывали любые мысли, фантазии, какими бы странными они не казались. Особое значение Фрейд уделял оговоркам, замешательствам, снам, остроумным высказываниям, которые пациенты выражали в таком свободном ассоциировании. Там, где пациент смущался, не желал говорить, останавливался, Фрейд и искал истоки вытесненных переживаний или их символы (как в снах). Это своего рода «ширма для фобий», страхов, помогающая им существовать и повышать тревожность личности [Лейбин, 1990].

Решающая роль в методе психоанализа отводилась вытесненным сексуальным влечениям, которые, на взгляд Фрейда, и предопределяли характер невроза. З. Фрейд характеризует основную задачу психоанализа как желание понимания душевной жизни человека, поскольку, по его мнению, понимание и выздоровление идут рука об руку. Долгое время – это оставалось единственной целью. Пока психоаналитики не натолкнулись на тотальное сходство патологических и нормальных процессов и не посчитали, что это делает психоанализ применимым во многих научных областях [Фрейд, 2015, 391]. В данном случае под маской трюизма З. Фрейд описывает изначальную тягу психоанализа к авторитарному господству в Дискурсе знания с эпохи его создания автором.

Психоанализ для З. Фрейда изначально нес в себе идею общественной полезности, столь характерную для эпохи позитивизма и постпросвещенческой идеологии. Эта идея выражает также притязания Дискурса на Власть и слияние Дискурса, теории, с практиками Власти, объективирующего управления: «Психоаналитическое воспитание возьмет на себя ненужную ответственность, если поставит себе целью переделывать своего воспитанника в мятежника. Он сделает свое дело, сохранив его по возможности здоровым и работоспособным. В нем самом содержится достаточно революционных моментов, чтобы гарантировать, что его воспитанник в последующей жизни не встанет на сторону регресса и подавления. Я даже полагаю, что детиреволucionеры ни в каком отношении не желательны» [Фрейд, 2015, 395]. Но такими декларативными выкладками З. Фрейд не ограничился – он создал стройный дискурс, угадавший и выразивший чаяния буржуазной Власти и способный подчинить себе индивидуальность. Фрейд предложил опыт конституирования индивидуальности в Дискурсе, создав ловушку для Желания и не только разрешив пациенту описывать Желание, но подчинив его языку описания, внешнему по отношению к субъективности пациента: «Вначале он попытался воссоздать прошлое пациента, приводя его к осознанию вытесненных воспоминаний. Позднее он осознал особую значимость фантазмов и понял, что удовлетворение наших желаний в сновидениях отображает реальную структуру нашего бессознательного. Бессознательное – это не царство слепых сил, а определенная структура, основу которой составляет несколько основных влечений» [Шерток, Соссюр, 1991, 221]. Поздние психоаналитические версии, бесконечно пролиферирующиеся дискурсы психоаналитиков, связаны с более четкими и более подробными описаниями данной структуры, но принцип простраивания дискурса пациента, опространствливания его сознания в структурах азбуки бессознательного, остается прежним. Этот принцип и задает парадигму Власти над индивидуальным Дискурсом, включение его в коллективную практику психоанализа.

Трудно отметить ту точку сборки, когда Дискурс попадает в поле усилий Власти и воспринимается ею как забота и частное дело именно власти. Стратегия установления запрета

возбуждает Желание субъекта – и он попадает в ловушку – начинается обсуждение, Дискурс берет свое начало.

Квазидискурсы Власти

Чтобы овладеть Дискурсом, Власти необходимо избрать мишень, приманку, которая будет для субъекта соблазняющим симулякром: подделкой его желания: «Тело стало ставкой в борьбе между детьми и родителями, между ребенком и инстанциями контроля. Бунт сексуального тела является противодействием подобному внедрению. И как же отвечает власть? Прежде всего экономической (и, может быть, даже идеологической) эксплуатацией эротизации, начиная от всяких средств для загара и вплоть до порнофильмов... В самом ответе на бунт тела вы находите новую инвестицию, которая теперь фигурирует не в виде контроля-подавления, а в виде контроля-стимуляции: «Оголяйся... но будь худошавым, красивым, загорелым!» На всякое действие одного из противников отвечает движение другого» [Фуко, 2002, 162]. Оппоненты Фуко, левые, говорят об утилизации тела порнографией, рекламой, но тело действительно, не исчезает, в противном случае, оно не смогло бы использоваться как прообраз для симулякрово-приманок, а субъект, индивидуум, оказался бы психопатологически расколот, лишен телесности, и выходом из такого состояния для него был бы неуютный власти Бунт его расколотой субъективности.

Власть не может просто утилизировать телесность, она должна создать телесность заново, такую, как телесность произведений де Сада – пластичную, вечно юную, бесконечно казнимую, телесность жертвы, но жертвы вечно юной: «Маркиз де Сад – современник этого переворота. Точнее, его неиссякаемое творчество обнаруживает хрупкое равновесие между незаконным законом желания и тщательной упорядоченностью дискурсивного представления. У распутной жизни имеется строгий порядок: каждое представление должно сразу же одушевляться в живой плоти желания, а любое желание должно выражаться в чистом свете дискуссии-представления» [Фуко, 1994, 236].

Власть так же, следуя логике, сродни логике де Сада, создает сексуальность заново: устанавливая частичный запрет, вводит сексуальность в поле Дискурса, что позволяет ей манипулировать Желанием, деиндивидуализируя его, превращая индивидуальное, сексуальное в коллективное, порнографическое. Власть, как ни одно иное субстанциальное начало, оказывается заинтересована в порнографической профанации реальности Дискурса. Именно порнография помогает Власти, с одной стороны, завладеть Дискурсом, деиндивидуализируя его, с другой стороны, уничтожить Желание. Ж. Бодрийар пишет о том, что порно лишено элементов, вызывающих желание, секс стал слишком прозрачен, в нем не осталось тайны, интимности и недоговоренности. Когда иллюзия желания рассеивается, остается лишь создавать гиперреальность образа [Бодрийар, 1998, 7]. Тонкое замечание Бодрийара помогает понять технику «работы» Власти, технологию узурпации Дискурса – Власть использует сексуальность, деиндивидуализируя ее, превращая в порно, действуя при этом так, как должен бы действовать Дискурс, как таковой.

Власть множит сексуальность. Но Дискурс Власти есть квазидискурс: если дискурс, пролиферируясь, создает свободное поле индивидуальностей, то Власть, множась, как квазидискурс, создает Коллективное, тотальность смысла, которая есть абсолютный диктат над индивидуальным. Гиперреальный объект присутствует в любом квазидискурсе власти, и всегда он носит тотальный характер, отрицает индивидуальную рефлексию и служит обманкой-соблазном, подчиняя себе, отказывая индивидууму в его праве на творчество смысла.

В порнографии и иных скандальных социальных феноменах (революции, терроре, девиации) он более отчетливо проявляется, заметен для философа, для социального аналитика. Действительно, коллективность порно связана с денатурализацией желания в Дискурсе Власти: «Современную сексуальность не характеризует то, что благодаря Саду и Фрейду она обрела язык своей природы или своей разумности. Благодаря мощи их дискурсов она была «денатурализована» – выброшена в пустое пространство, где ей противостоят весьма жалкие формы предела и где ее потустороннее и все ее разлитие сводятся к прерывающему ее неистовству. Сексуальности мы дали не свободу; мы подвели ее к пределу: к пределу нашего сознания, поскольку это она в конце концов диктует нашему сознанию единственно возможное прочтение нашего бессознательного; к пределу закона, поскольку это она оказывается единственной абсолютно универсальной сферой запрета; к пределу нашего языка: она очерчивает ту смутную линию на прибрежном песке безмолвия, на которой покоится невыразимая тишина» [Фуко, 1994, 113]. Этот предел, на который указывает Фуко, ознаменовал отказ от сексуальности как телесной практики индивидуальности к коллективному телу, репрезентацией которого становится порнография. Индивидуальное тело исчезает, появляются шифры коллективной телесности – всевидящее око Власти, бессмертный герой-инвалид, Родина-мать, лишенный гендерных и половых признаков товарищ [Рыклин, 1992].

Такой переход характерен для всех квазидискурсов Власти. Все они ориентированы на создание коллективного Эго, гиперреального объекта. Не будем останавливаться на Законе, этом легитимном дискурсе власти, это слишком очевидно и уже проанализировано теоретиками общественного договора Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ш.-Л. Монтескье. Закон творит Гражданина как Гиперреальный объект, гражданственность как коллективность, деиндивидуализированную субстанцию.

Дискурсы Власти, которые принято считать менее тотальными, так же ориентированы на создание коллективного Эго, деиндивидуализируют человека, попавшего в их узы. Например, такой дискурс власти, как педагогика. Вроде бы учительство – явление социально позитивное, и нигде так часто не упоминается слово *индивидуальность*, *личность*, как в работах педагогов, как в стенах современной школы. Но это такая же обманка, как сексуальность в порнографии. В педагогике дискурс власти представлен таким гиперреальным объектом как Школа, а деиндивидуализированная коллективная субстанция – это Ученик, Выпускник, эта жертва социального заказа. Ему «дали» знание, но это не знание, а символический коллективный дискурс. Он знает, что Раскольников думал, «тварь ли он дрожащая», но пишет в сочинении «дражайшая», знает, что «декабристы разбудили Герцена», но думает, что восстание произошло в июле, отвечает на вопросы учителя английского языка «yes, of course», но не подозревает, что в Англии над таким ответом смеются даже куры. Коллективное нейтрально к таким погрешностям, главное – включенность в квазидискурс Власти, главное – отказ от индивидуальности. Не сознательный отказ, совершенный героем романа А. Моравиа «Конформист» – Власть притягивает соблазнять, жить в бессознательном индивидуума. Тогда она гарантирует себе вечность правления в Дискурсе, и никто не станет революционером.

Тотальность Дискурса Власти и подчинение индивидуума ее квазидискурсам, однако, не фатальна – от любой техники Власти индивидуальность может ускользнуть, иначе социальные парадигмы замерли бы в своем развитии.

Человек может сопротивляться деиндивидуализации в квазидискурсе Власти: такое сопротивление предполагает *отказ от соблюдения требований власти*, точнее, ее основного требования, которым является смерть индивида в дискурсе. Действительно, подчинение гиперреальному объекту, коллективному Эго возможно лишь при условии самоубийства

индивидуальности: человек должен сознательно лишить себя живых токов коммуникации, омертветь, перестать творить понятия и вступать в информационный обмен лишь формально, так, как предписывает форма Дискурса власти. Действительно, возвращаясь к теме Дискурса педагогики, заметим, нужно омертветь духовно, утратить индивидуальность, чтобы принять как истину факт, что Пушкин написал не роман о любви и непонимании, а, не дай Бог, энциклопедию. Пушкин не писал энциклопедий, он не был просветителем, но был романтиком, не одобрявшим и бунтовавшим против мнения толпы.

Дискурс изначален, он форма социальности, которая необходима человеку для самовыражения. В таком изначальном виде дискурс не является структурой подавления человеческого Я. Лишь в дискурсе нам дан Другой, лишь в дискурсе мы сталкиваемся с собой как с Другим, что и конституирует субъективность.

Отказ от смерти в дискурсе может быть задан человеком в разных формах: в форме творчества понятий и присваивания имен вещам, о чем пишет М. Фуко, в отказе от речевых стилистических практик, как дискурс де Сада, в достижении однообразия и «нулевой степени стиля», о чем пишет Ж. Батай, но это всегда протест против смерти, стремление к жизни в дискурсе.

Существуют дискурсы, которым принципиально не суждено стать принадлежностью Власти, стать коллективными, дискурсы, настолько индивидуализированные, что ни одна инстанция Власти не способна их мифологизировать, завлечь в сети коллективного бессознательного. Такова ирония – она всегда пребывает с иронизирующим субъектом, и никто в мире не сможет дважды иронически отнестись к одному и тому же объекту. Есть шутки на одну тему, анекдоты и т.п., но ирония всегда индивидуальна, обращена к родственной душе, к родственному осознанию горечи бытия, чтобы произнести фразу: «I'm so broke I can't even pay attention», нужно быть Томом Уэйтсом. Но чтобы быть Томом Уэйтсом, нужно быть Томом Уэйтсом. Ирония не оставляет Власти никаких вариантов.

Другой уровень ускользания – поэзия. Поэтическое сопротивляется мифу. Об этом пишет Р. Барт: поэзия создает не тексты, не структуры, четко транслирующие связь означаемого с означаемым, а смыслы, не подлежащие мифологизации, не сводимые к уровню знака, деиндивидуализирующего бытие поэтического произведения [Барт, 2017]. Литература способна извлекать смысл из бытия. Поэзия никогда не оглядывается назад – поэтический образ жив в новизне. Ни одна поэтическая фраза не может быть повторена – при таком повторении она перестанет быть поэтической. Цитируя поэзию, мы не повторяем фразы, но наслаждаемся формой, стилем, образом, метафорой. После Есенина ни один поэт не назовет мать «моя старушка», это его, личное, человеческое, слишком человеческое, чтобы быть повторенным.

Заключение

Итак, Дискурс, воплощая желание индивида, соблазняет Власть. Власть использует желание, чтобы овладеть Дискурсом и превратить его в силу тотальности и диктата, узурпирующую индивидуума и творящую гиперреальный образ коллективного Эго. В этой практике Власть опирается не на сознание, но на бессознательное индивида, поскольку лишь дискурс Власти, укорененный в бессознательном, претендует на вечность. М. Фуко объясняет, как Дискурс власти в форме инстанции контроля поглощает субъективность, становясь у предела сексуальности у предела языка, у границы субъективности. Может ли человек противостоять такому авторитарному господству дискурса Власти? Его противостояние – жизнь в дискурсе, отказ от включенности в дискурс власти в качестве мертвого элемента. Такая

жизнь обретается человеком в творчестве понятий, в иронии, в поэзии. Но дискурс – структура. Он конституирован, и эта его конституция используется Властью как система господства над человеком, который не останавливается в своем желании – ускользнуть от этого господства.

Библиография

1. Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. М., 2017. 351 с.
2. Бодрийар Ж. Заговор искусства // Художественный журнал. 1998. № 21. С. 8.
3. Лакан Ж. Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. СПб., 2000. С. 201-217.
4. Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. 397 с.
5. Рыклин М. Террорологии. М., 1992. 223 с.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. СПб., 2015. 480 с.
7. Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. 384 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. 384 с.
9. Фуко М. О народном правосудии. Спор с маоистами // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. 384 с.
10. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. 346 с.
11. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. 448 с.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 408 с.
13. Шертук Л., Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991. 288 с.

Discourse verdict: total human escape

Ol'ga A. Pyr'yanova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Institute of Humanities,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pyryanova@mail.ru

Ivan I. Zamoshchanskii

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Institute of Humanities,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Alena M. Konashkova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Institute of Humanities,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Abstract

The explication of the works of M. Foucault inevitably associate his name with the concept of discourse as some radical means of understanding reality. Discourse is the temptation of the researcher. Any researcher, according to M. Foucault, seeks to escape from discursive predestination, using the power of discourse to control reality, but not by itself. The article discusses the essence of the concept of discourse and the technology of its use. The individual, having constituted his identity, wants to autonomize subjectivity, tries to go beyond the limits of discursiveness, to become the one who defines and governs the discourse. In this case, he or she is doomed to defeat, since it is only in discourse that his otherness can form. In fact, the Authority through Discourse imposes a verdict on everyone – to be defined in concepts and practices. This is how the discourse body is created. A person becomes involved in discursive practices, sometimes unaware of this fact, since the discourse, by its nature, multiplies in quasi-discourses and constantly disguises itself, creating various lures and simulacra. The individual falls into the trap of his own de-individualized desire. The practice of resistance and escape is feasible when the subject refuses to obey the requirements of the Authority, creating his own discursive fields.

For citation

Pyr'yanova O.A., Zamoshchanskii I.I., Konashkova A.M. (2018) Diskursivnyi prigovor: total'nost' uskol'zaniya cheloveka [Discourse verdict: total human escape]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (6A), pp. 171-179.

Keywords

Discourse, desire, prohibition, Power, M. Foucault.

References

1. Barthes R. (2017) Mif segodnya [Myth today]. In: *Mifologii* [Mythology]. Moscow.
2. Baudrillard J. (1998) Zagovor iskusstva [The Conspiracy of Art]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art Journal], 21, p. 8.
3. Foucault M. (2002) Intellektualy i vlast' [Intellectuals and Power]. In: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Moscow.
4. Foucault M. (2002) O narodnom pravosudii. Spor s maoistami [About people's justice. Dispute with the Maoists]. In: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Moscow.
5. Foucault M. (1994) O transgressii [On transgression]. In: *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Tanatography of Eros: Georges Bataille and French thought of the mid-twentieth century]. St. Petersburg.
6. Foucault M. (1996) Poryadok diskursa [Order of discourse]. In: *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to the truth. On the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow.
7. Foucault M. (1994) Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the humanities]. St. Petersburg.
8. Foucault M. (2002) Vlast' i telo [Power and Body]. In: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews]. Moscow.
9. Freud Z. (2015) Vvedenie v psikoanaliz. Lektsii [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. St. Petersburg.
10. Lacan J. (2000) Psikhos i Drugoi [Psychosis and Other]. In: *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 14. Status inogo* [Metaphysical research. Issue 14. Status of other]. St. Petersburg.
11. Leibin V.M. (1990) *Freid, psikoanaliz i sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Freud, psychoanalysis and modern Western philosophy]. Moscow.
12. Ryklin M. (1992) *Terrorologiki* [Terrorology]. Moscow.
13. Shertok L., Saussure R. (1991) *Rozhdenie psikoanalitika. Ot Mesmera do Freida* [The Birth of a Psychoanalyst. From Mesmer to Freud]. Moscow.